

Bauer, Jaroslav

К вопросу о происхождении союзов

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná.
1960, vol. 9, iss. A8, pp. [5]-18

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101264>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЯРОСЛАВ БАУЭР
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СОЮЗОВ*
Профессору Вацлаву Махку к его шестидесятипятилетию

1. Вопрос о происхождении славянских союзов и союзных выражений, давно уже интересующий лингвистов, не представляет уже, правда, главный предмет исторического синтаксиса, но он остается все время живым. Несмотря на значительные успехи языковедения в этой области изучения развития языка, до сих пор имеется относительно мало общепринятых, вполне убедительных и отвечающих на все вопросы объяснений. Это вытекает из объективных трудностей при изучении возникновения союзных средств, но, рядом с этим, также из недостатков теоретического и методологического порядка.¹

Объективные затруднения обусловлены тем, что возникновение значительной части союзов относится к доисторическому периоду в развитии языков, вследствие чего исследование этого процесса возможно только в виде гипотезов — его нельзя наглядно показать на материале письменных памятников. Но даже при изучении союзов более позднего происхождения, которые развились в историческое время, по письменным памятникам иногда очень трудно (или даже невозможно) установить процесс их возникновения и закрепления за ними той или другой союзной функции. Некоторые союзные средства развились, по всей вероятности, в живом разговорном языке и в памятниках появляются уже готовыми; другие введены в литературный язык под влиянием чужого языка или, по крайней мере, подражают чужим союзам в их функциях, так что нельзя установить их значения на основе их собственного развития в данном языке; при третьих трудно установить их функцию вследствие небольшого количества примеров в древних памятниках, вследствие невозможности однозначной интерпретации текста, и т. п.

Удельный вес указанных затруднений усиливается ввиду теоретической и методологической неясности в этой области синтаксического исследования. Важнейшие недочеты, встречающиеся в многих работах, заключаются, по нашему мнению, в следующем:

а) Изучение возникновения союзов подменяется установле-

* Настоящая статья опирается гл. обр. на результаты, которые вытекают из анализа исторического развития всех типов чешского сложного предложения, представленного нами в монографии *Vývoj českého souvětí*, Praha 1960.

нием их этимологии: из каких составных частей они состоят, и с какими словами из других славянских или индоевропейских языков можно их сопоставить. Однако, установление составных частей союзов никак не решает вопроса о том, как они сложились, каким путем развилась их союзная функция. Сопоставление союзов или их частей является, несомненно, очень полезным, но ни в коем случае не дает, само по себе, ответа на вопрос о первоначальном значении этих элементов: в течение развития отдельных языков, в функциях частиц и других слов, из которых образовались союзы, могли произойти, и в большинстве случаев действительно произошли, большие изменения; одно и то же значение могло развиться путем параллельного развития из одного исходного пункта, но оно может быть результатом совсем другого развития, и засвидетельствованное совпадение звуковой стороны и значения может быть случайным, а не унаследованным из эпохи языковой общности. Подробное изучение функций сравниваемых слов в отдельных языках поможет опровергнуть их мнимое родство. Приведем примеры:

Польское *jacy* объясняется обыкновенно как родственное с старославянским *ašte* (встречается также *jašte*) на основе фонетического соответствия *ašt- ~ -ac- < *-atj-* или **-akt-*, и сходства в значении (оба слова служили обобщающей частицей; древнепольское *jacy kto ~ старослав. iže ašte „кто ни“*).² Однако более подробный анализ ясно показывает, что старослав. выражения типа *iže ašte* являются кальками греческих (*ὅς ἄν* и т. п.), так что обобщающая функция *ašte* оказывается вторичной и неидиоматической.³ Кроме того, нам представляется вполне возможным, что обобщающая функция польского *jacy* не является первичной — что она восходит к значению „только“, сохранившемуся в диалектах, а не наоборот, как считает Фр. Славски. Применение наречий со значением „только“ в обобщающей функции встречается довольно часто, ср. напр. чешское *jen* в оборотах типа *kam se jen podíval, co si jen přál*, древнечеш. *jedtež ctnějši po něho koně vodu, kamožt jedno on poteče a k komužt jedno on přiteče, toho na ten kón vsadíte, vedtež ho sém* DalL 4.37—38. Того же рода пример, приведенный Славским (по Брукнеру) из Библии Леопольты 1561 г.: *jakiego by jacy chciaty ubioru* — он может равным образом указывать на переход от значения „какой только“ к значению „какой ни“, как и наоборот. Но функция обобщающей частицы представляется более абстрактной, свойственной гл. обр. литературному языку. (Так напр. в чешском разговорном языке и в большинстве народных говоров нет специальной обобщающей частицы — значение обобщения выражается лексическими средствами, при помощи наречия *jen* или глагола *chce*: *at přijde kdo chce*.) Поэтому можно предполагать, что обобщающая функция развилась также у польского *jacy* вторично, хотя она засвидетельствована еще из XV—XVI вв. Это предположение должно быть, разумеется, проверено анализом материала. Но вторичность обобщающей функции старослав. *ašte* сама по себе лишает всякого основания предположение о том, что оно этимологически связано с польским *jacy* — не остается ничего другого, кроме частичного фонетического соответствия, между тем как функции обоих слов принципиально расходятся. С другой стороны, фонетические затруднения (*-št- x -č-*) не оправдывают отрыва западнослав. *aše* от восточнослав. *ače* и старослав. *ašte*, между которыми имеется широкое совпадение функций.

Неправильным считаем соотнесение древнечеш. *libo* и восточнославянского и церковнослав. *либо*.⁴ Как мы показали на другом месте,⁵ чеш. *libo* надо объяснить из *lubo* (*u > i* в XIV в.) — так полагал уже Ян Гебауэр, — и оно родственно с польским *lub*. Фонетическое совпадение, которое сопровождается и совпадением функций, является вторичным; оно — результат специального фонетического развития чешского языка.

Примером союза, который встречается в двух языках в том самом значении и фонетическом облике, и образован даже из тех же общеславянских элементов, но, несмотря на все это, развился вполне самостоятельно, разным путем, может послужить чешское и церковнослав. причинное *nebo*. Его составными частями являются отрицательная частица *ne* и частица-союз *bo*; но чешск. союз возник из обеих частиц прямым развитием, а церковнослав. упрощением из *neboň*.⁶ В обоих случаях установление составных

частей не решает вопроса о возникновении союза — необходимо объяснить, как произошло их слияние и переосмысление, какими были их функция и значение в исходных сочетаниях слов или предложений. И это представляется очень трудным.

б) Происхождение отдельных союзных средств объясняется изолированно, без учета их места в системе данного языка, без сравнения с другими языками, и т. п. Союзы, возникавшие и развивавшиеся в отдельных типах сложного предложения, оказывали влияние друг на друга; поэтому, изучая их возникновение, мы должны иметь в виду целые группы близкородственных союзов. Таким образом можно уловить тонкие различия в их значениях, которые нередко связаны с их исконным, исходным значением, предшествовавшим их союзной функции. Сравнительная точка зрения необходима всюду, где изучаемый союз имеет прямые соответствия в других славянских языках. Здесь нужно решить вопрос о его возможном унаследовании от праславянского языка или параллельном развитии из общих компонентов. Кроме того, нельзя не учитывать возможного влияния других литературных языков (латинского, греческого и др.) на славянские литературные языки.

Так, условное значение чешских союзов *když* и *kdyby* объясняется обыкновенно как развившееся из временного: согласно этому, оно сопровождало временное значение всюду, где выражались действия, повторяющиеся или имеющие общевременную значимость, и оно могло стать преобладающим.⁷ Однако, более правдоподобной нам представляется теория Фр. Травничка, опирающаяся на его изложение возникновения придаточных предложений из самостоятельных вопросов: у предложений с *kdy*, *když*, подобно как и у предложений с *kto*, *čso*, *který*, *kde*, *kam* и др. (впоследствии относительных), развилось при их соединении с последующим предложением условное значение, в позднейшем развитии отчасти утраченное.⁸ Итак, условное значение союзов *když*, *kdy* является не вторичным, а одинаково древним как и временное, а может быть, даже первым их союзным значением. Новый надежный путь к объяснению этих союзов удалось найти только благодаря тому, что они изучались Фр. Травничком не изолированно, а в связи с общим процессом образования союзов и союзных слов из вопросительных местоимений, наречий и частей.

Недостатком сравнительной точки зрения можно объяснить напр. неправильное изложение Т. П. Ломтевым происхождения древнерусск. изъяснительного союза *яко*: он возводит его (вместе с *како*, *какъ*) к вопросительному наречию образа действия.⁹ Между тем, сравнение с древнечешским языком, в котором функции *jako* и *kako* в XIV в. еще вполне наглядно отличаются друг от друга, помогло бы вскрыть подобную разницу, хотя уже не столь отчетливую, также в древнерусском языке, и показало бы путь к правильному толкованию происхождения союза *яко* и его значения (оно никак не совпадало со значением *како*, *какъ* даже в древнерусском языке).

Необходимость учета возможного влияния языка оригиналов на синтаксис языка переводной литературы не оспаривается, что касается напр. старославянского языка. Но подобную возможность нельзя упускать из виду даже при изучении синтаксиса других древних слав. литературных языков.¹⁰ Так напр., нам кажется очень правдоподобным, что двойной союз *nejen/že* — *ale i* закрепился в чешск. литературном языке (как и подобные союзные образования в других европейских языках) не без влияния латинского *non solum — sed etiam, non tantum — sed etiam*. Поэтому трудно согласиться с тем, что его первая часть восходит к номинальному предложению *ne jedno*, содержание которого изъяснялось бессоюзным предложением или предложением с союзом *že*.¹¹ Это объяснение, само по себе, кажется очень правдоподобным, но оно не подтверждается состоянием в древнечешских памятниках.¹²

в) Объяснение происхождения союзов не опирается на достаточно подробное изучение материала древних памятников. Даже самые убедительные изложения иногда оказываются несостоятельными, поскольку они не опираются на наиболее древние исторически

засвидетельствованное состояние и не учитывают тонких, но притом иногда очень важных сдвигов в функциях союзов. Тщательный анализ состояния в древнейших памятниках, с учетом частоты и всех условий употребления изучаемого союза — необходимая предпосылка генетического изложения. Особое внимание следует обратить на хронологические данные.

Приведем два примера. Союз *аште* (*ашце*) Б. В. Лавровым объясняется¹³ как возникший из союза *a* и сокращенной глагольной формы *хочитеть*. Но эту теорию нельзя считать убедительной, между прочим по той причине, что существование подобного сокращения глагола *хѣтити* в старославянском языке вообще не засвидетельствовано, между тем как союз *аште* (*ашце*) выступает в совершенно готовом виде, без малейшего следа такого сложения. Мнимые параллели к этому развитию встречаются лишь в памятниках значительно более позднего происхождения.

Чешский союз *než* в древнечешском языке выполняет четыре основные функции: союза сравнительного „чем“, временного „прежде чем“, противительного „а“ (после отрицания) и ограничительно-исключительного „(никто иной || ничто иное), как“, „разве только“. Его сложение очевидно: это отрицательная частица *ne* и частица *že*. Но для решения вопроса о его возникновении нужно указать, как сложились эти составные части, в каких конструкциях развились их союзное значение. Вполне убедительным можно считать объяснение Я. Гебауэром образования *než* в сравнительной функции: *lepší mohutý sedlák než vládyka chudý* < „lepší je zámožný sedlák, ne (= nikoli) chudý vládyka“ (лучше зажиточный крестьянин, а не бедный владыка); *-ž/e/* представляет усилительную энклитическую частицу¹⁴ (ср. подобное усиление отрицательного соединительного союза *ani* || *aniž*, *ni* || *niž*). Без затруднений можно объяснить и возникновение *než* противительного, пошедшее по подобному пути.¹⁵ Ограничительно-исключительная функция *než* является, по свидетельству памятников, вторичной; она развилась из значения противительного и сравнительного.¹⁶ Неясным осталось развитие временного *než*, хотя его тесная связь с другими функциями *než*, прежде всего со сравнительной (ср. *dříve než*, *prvé než*), не вызвала сомнений. Очень любопытное объяснение дал Фр. Травничек, исходя из употребления *než* в сложноподчиненных предложениях типа *než ho dojela, až ji poselství oznáměno* (не успела он приехать к нему, как ей сообщили извещение): *ne* (= не случилось), *že* (= союз „что“) *ho dojela*, *a hle* („и вот“), *bylo jí oznáměno poselství*.¹⁷ Однако подробный анализ употребления союза *než* в этом типе сложного предложения, как и в значениях „прежде чем“, в древнейших памятниках чешского языка обнаруживает, что применение *než* является здесь вторичным: *než* ставилось сначала только после *dříve* и *prvé* („раньше“ и „прежде“), не выражая при этом само по себе временного отношения — это просто *než* сравнительное в соединении с наречиями временного значения. Только в течение дальнейшего развития, выражением временного отношения становилось одно *než*, и оно могло употребляться без *dříve* или *prvé* (с конца XIV в.).¹⁸

г) Преувеличивается синтаксическая аналогия как свидетельство о путях развития союзной функции того или другого слова. Исторически засвидетельствованное или убедительно установленное возникновение и развитие одного союзного средства может оказать большую помощь при изучении другого средства подобного употребления, но такая аналогия не может служить доказательством. Кроме того, сравнение функций должно быть доведено до всех подробностей, с учетом всех условий употребления и всех значений сравниваемых средств. Частичная или мнимая аналогия может повлечь за собой неправильные выводы.

Примером полной аналогии может послужить употребление союза *a* с личным местоимением 1-го или 2-го лица и союза междометного происхождения *ano*, *an* в придаточных предложениях изъяснительных, временных, причинных, ограничительно-условных и уступительных. Ср. *a již vízi, a ty na smrt jdeš* PasMA || *uzře, ano jeho žena duši běže* DalL 20.15; *kam má duše půjde, a já jsem ještě nekřtěná?* PasMA || *kak tento můž spasen býti, an jest velmi poskvrněn* PasU, и т. п. Условия применения обеих конструкций, отношение соединенных предложений, употребление форм времени в предложениях

с *a* и *ano*, *an*, целый строй этих предложений, оказываются вполне аналогичными. Вследствие всего этого можно предположить, что указанное употребление союза *a* (+ *já*, *ty*, *my*, *vy*) развилось тем самым путем, что и употребление *ano*, *an*, и что оба слова имели подобную исходную функцию — междометную, доказанную относительно *ano*, *an* И. Зубатым.¹⁹

С другой стороны, неполная аналогия между союзами *že*, *ež*, *jež* и союзами-частицами *ano*, *an*, *nali/i/* в изъявительных предложениях не может служить достаточным доказательством их общего междометного происхождения.²⁰ Союзы *že*, *ež*, *jež* употреблялись не только после глаголов чувственного восприятия, как *ano* и *nali*, но также после многочисленных глаголов говорения, познания, мышления и др. (Можно найти и другие различия, напр. то, что в придаточных предложениях с союзом *že* нередко встречается имперфект вместо форм настоящего времени: *uzřě, že sedlská dievka na potocě stáše, bosa i bez rukávkův rúchu práše* DalC 78b × *Ctirad... uzřě, nali děvka pláče* DalC 25b.) Поэтому можно считать более правдоподобным, что союзы *že*, *ež*, *jež* развились не только из частиц междометного происхождения (со значением „вот“), но также из указательного местоимения или частицы (*ježe* со значением „то“).²¹ Анализ других функций союза *že* подтверждает это предположение.

2. Рассмотрев ошибки, встречающиеся часто при изучении происхождения союзов, остановимся на нескольких общих принципах, соблюдение которых поможет, по нашему мнению, достигнуть более надежных результатов.

(1) Процесс возникновения союзов неотделимо связан с процессом образования отдельных типов сложного предложения; у сочинительных союзов, кроме того, надо изучать также их употребление в сочетаниях однородных членов предложения. Союзы (как средство выражения отношений между сочетаемыми предложениями) возникли из слов, не имевших первоначально союзной функции, или служивших лишь выражением навязывания смежных предложений, которые не образовали еще одного синтаксического целого. Для правильного понимания и объяснения их преобразования в союзы большое значение имеет установление, что оба основных типа сложного предложения, сложносочиненное и сложноподчиненное, развились из более примитивного соединения предложений, связанных „связью однородного следования“.²² Плодотворность и правильность этого предположения подтверждается и анализом развития чешского сложного предложения: оказывается, что типы сложноподчиненного предложения не развились из настоящих сложносочиненных предложений (связанных соединительной, противительной, разделительной или градационной связью) — их можно объяснить только как закрепление и преобразование первоначально более свободных сочетаний простых предложений. Из этого вытекает, что также подчинительные союзы не могли возникнуть путем преобразования настоящих сочинительных союзов. Это касается равным образом и компонентов сложных подчинительных союзов. Так напр. *a-*, выступавшее составной частью чешских подчинительных союзов *aby*, *ač*, *ať* и *až*, нельзя рассматривать как союз соединительный или сопоставительный — оно вошло в состав этих союзов еще тогда, когда выполняло лишь роль союза-частицы, присоединявшей или вводившей самостоятельное предложение (так наз. союз начина и следования). Таким же образом объясним; что одно и то же слово развилось частью в сочинительный, частью в подчинительный союз (напр. *než* противительное и рядом с этим сравнительное, ограничительно-исключительное и временное; *až* присоединительное „да и“ || следственное и временное): в зависимости

от контекста и содержания сочетаемых предложений закреплялось то или другое значение, для которого у исходного слова имелись предпосылки.

Встречаются, разумеется, исключения: подчинительные союзы, возникшие из сочинительных. Примером может служить чешск. *aniž*, первоначально отрицательный соединительный союз („и не“), перешедший после положительного предложения в подчинительный союз со значением „без того чтобы“, напр. *Odešel, aniž se rozloučil*.²³ Но это, кажется, единственный пример этого рода, причем новое значение союза *aniž* не оторвалось вполне от первоначального значения (*aniž se rozloučil || a nerozloučil se*).

Можно отметить и обратное развитие — переход подчинительного союза в сочинительный. Так, ограничительно-исключительный союз *leč* приобрел противительное значение, подчинительно-противительный союз *kdežto* теряет на наших глазах характер подчинительного союза, и т. п.²⁴

Кроме того можно наблюдать переход закрепившегося уже союза из одного значения в другое (напр. у сравнительного *než* развилось временное значение; см. выше § 1в), смену одного союза другим (напр. союз *jak/ž/koli* сменил *kak/ž/koli* в уступительном значении), и т. п.

(2) Попытки объяснить происхождение союзов должны исходить из тщательного анализа древнейшего засвидетельствованного состояния в литературных памятниках, причем нужно учесть все, даже мельчайшие явления. Большое значение имеет изучение вариантов в разных списках того же памятника; различия бывают отражением развития, показывают синонимические средства выражения и т. п.²⁵ Следы первоначального значения союза проявляются в ограничении сферы его употребления, что можно раскрыть на основании сравнения функций синонимических союзов с привлечением обширного материала.

Напр., изъяснительный союз *že* встречается в XIV в. лишь в предложениях, выражающих реальное сообщение (между тем как в предложениях, выражающих нечто мнимое, сомнительное, неправдивое или отрицаемое, употреблялось *by*). Это ограничение в его употреблении связано, по всей вероятности, с тем, что *že* развилось из частицы (междометного или местоименного характера) с действительным значением: указывать можно прежде всего на факт реальный, наглядный.²⁶

Разделительный союз *čili, či* в древнечешском языке встречается лишь в предложениях вопросительных — несомненно потому, что еще не исчезло сознание его первоначальной функции (он произошел из вопросительной частицы).²⁷

Противительные союзы *avšak, alevšak* выражали лишь один оттенок противительной связи — ограничительно-уступительный, благодаря значению своей составной части *však/o/* „все-таки“. ²⁸ Подобных примеров можно привести много.

(3) Нужно отличить собственное, идиоматическое развитие в исследуемом языке от явлений унаследованных или заимствованных. При этом поможет сравнительная точка зрения: установление, существует ли изучаемый союз в родственных языках и какие функции им выполняются. На основе такого анализа можно сделать заключения о том, представляет ли данный союз явление одного языка (следовательно, возникшее в течение его самостоятельного развития), или общее меньшей или большей группе языков (напр. западнославянских, или вообще славянских, или же балтийских и славянских, и т. п.). В первом случае можно объяснить развитие союза на основе материала из одного языка; в другом нельзя прийти к убедительным результатам без глубокого сравнительно-исторического анализа. Это не значит, что нельзя заметить правдоподобное развитие, как оно представляется с точки зрения одного языка — наоборот, такое изложение является необходимой предпосылкой сравнительного

изучения, потому что большинство унаследованных союзных средств претерпело в отдельных языках специальное развитие. Однако исходную функцию можно найти лишь в точке пересечения установленных направлений их развития, продолженных в доисторическое прошлое. Наряду с этим надо считаться с возможностью самостоятельного сложения союза из тех же самых элементов в отдельных языках (ср. примеры, приведенные в § 1а).

Только чешскому языку свойственны напр. союзы *abrž, něbrž, anobrž, alebrž; nebo, nebof, anebo*. Но к последним существуют подобные образования в западнославянских языках, в украинском и белорусском (*alibo > albo; abo; lebo, alebo*). Очень близкие параллели существуют в славянских языках к чешск. союзу *než, nežli: niž, nižli, неже/ни/, nego*. Союз *až* встречается в северной части славянских языков, хотя его значения и судьбы не вполне совпадают. Союзы *ač, že, aby* существуют или существовали в нескольких славянских языках (прежде всего западнославянских), *at* имело очень близкое соответствие в древнерусском языке; очень распространено было *jako*, и т. п. В других случаях мы имеем дело с параллельным развитием, корни которого восходят иногда к эпохе языковой общности, но реализация которого относится к историческому развитию отдельных языков. Самый наглядным примером является смена древних союзных слов и союзов, образованных от основы **jo-*, новыми, вопросительного происхождения (от основы **ko-*). Развитие в чешском языке, изложенное Фр. Травничком,²⁹ поможет при изучении этого процесса во всех славянских языках, но притом само требует удостоверения сравнительным анализом.

Для выделения заимствований необходимо сопоставление переводных памятников с оригиналами, изучение техники перевода (ср. выше § 1б). Большой помощью будет здесь сравнение конструкций, засвидетельствованных древними памятниками, с состоянием в народных говорах — таким образом можно отличить явления, развившиеся только в литературном языке (и, следовательно, более позднего происхождения), от явлений, свойственных всем формам общенародного языка. Само собою разумеется, что влияние чужого языка могло отразиться не только в литературном языке (посредством переводной литературы), а также в разговорном языке и в диалектах посредством живого языкового общения и двуязычия. В древних памятниках встречаются прежде всего примеры первого рода.³⁰

(4) Изучая функции союзов в древних языках и пытаясь изложить их происхождение, необходимо беречься анахронического подхода. Мы встречаемся с двумя опасностями: с одной стороны с возможностью внесения нашего теперешнего понимания смысла в явления старого языка, с другой стороны с чрезмерной архаизацией, с внесением в отдельные конструкции чересчур примитивного смысла.³¹ Не надо забывать об относительной хронологии: становление союзных средств происходило постепенно, в разные периоды развития языка, и наряду с высоко развитыми, „отшлифованными“ средствами удерживались конструкции более примитивные, архаичные. Установление происхождения того или другого союза представляется в двойном виде: 1° Надо решить вопрос о том, из какой непосредственно предшествовавшей функции развилась засвидетельствованная союзная функция. 2° Только затем можно ставить вопрос о первоначальном, исходном значении союза или его составных частей. Ответы на оба вопроса относятся к двум, часто очень отдаленным друг от друга, периодам развития языка.

Приведем пример: Изучение функций союза *až* показывает, что все они развились, по-видимому, из функции союза-частицы со значением „а вдруг“ || „а наконец“. Такую

функцию *až* выполняло в более свободном сочетании предложений, соединенных связью следования, с добавочным оттенком значения, вытекающим из лексического значения *až* — оно не было еще настоящим союзом (словом без собственного лексического значения), но помогало уже выражать отношение между предложениями. Сравнение славянских языков, в которых встречается *až*, приводит к заключению, что указанное состояние можно отнести к времени после распада общеславянского языка (*až* встречается только в языках северославянских), но до окончательного распада северной группы славянских языков на отдельные языки.³²

Стараясь вскрыть происхождение частицы *až*, мы приходим к заключению, что она состоит из элементов *a* и *že*, которые являются общеславянскими. Их функции в славянских языках позволяют предполагать, что оба имели когда-то (в отдаленном прошлом общеславянской эпохи) значение действительных междометий, близких „вот“; *že* сохраняло характер междометной частицы дольше, а переходило уже в очень давнее время в союз сделения и навязывания предложений, сохраняя, однако, все время некоторую окраску, вытекающую из его первичного значения. И это *a* сочеталось с частицей *že* в частицу *až/ej*, которая впоследствии превратилась в союз.

Подобную функцию выполняло *a*, как можно судить, когда оно сочеталось с другими словами в союзы *at* (*a + ti*), *aby* (*a + by*), *ač* (*a + če*), когда стояло в начале главного предложения после предшествующего придаточного, когда присоединяло дееспричастные обороты, и т. п. Между тем, можно предполагать, что в других позициях *a* сохранило полное значение частицы: в начале прямой речи, в начале вопроса и т. п. В подобной функции мы его встречаем еще в историческое время, и можно считать, что она сохранилась также в упомянутых изъяснительных и других предложениях с *a já*, *a ty...* (см. § 1г). В том же значении *a* вошло в состав вопросительной частицы *azda* (*a + zda*), переходившей иногда в союз.

Ближе к функции настоящего союза было *a* в конструкциях, в которых оно соединялось с частицами *le*, *všako* в *ale*, *avšak/oj*. В настоящий союз оно превратилось в таких сочетаниях предложений, из которых развились соединительные и противительные сложносочиненные предложения. Однако и здесь оттенки значения, связанные с союзом *a* в древних языках, подсказывают, что дело идет о том же самом *a*, как и в других конструкциях. Не надо предполагать, что в славянском *a* слились два или три разных по происхождению слова³³ (хотя это не исключено) — между союзом соединительным, противительным, частицей и междометием *a* нет с точки зрения их происхождения никакого резкого предела, их не приходится генетически отрывать друг от друга.³⁴

Подобным образом нам представляется ситуация у подчинительных союзов *že* (*ež*, *jež*), *jako* и других, объясняемых Фр. Травничком как действительные междометия.³⁵ Их союзной функции предшествовала, по всей вероятности, функция указательных местоименных частиц (препаративных или действительных), причем эта функция могла восходить — по крайней мере отчасти — к более древней функции междометий со значением „вот“, образовавших самостоятельные предложения. В известных позициях междометный характер этих слов мог сохраниться дольше, напр. после глаголов чувственного восприятия; в других же его вообще не было.

3. Союзы распадаются по своему происхождению на три основных слоя: 1° союзы, развившиеся из слов, которые выполняли своего рода связывающую функцию еще в таком свободном сочетании предложений, которое предшествовало паратаксису и гипотаксису (гл. обр. союзы сочинительные); 2° союзы, развившиеся при возникновении типов сложного предложения из слов, до того не выполнявших никакой союзной функции (гл. обр. подчинительные); 3° союзы, развившиеся в течение исторического развития языка в связи с возникновением новых типов сложного предложения или в связи с преобразованием типов уже существующих. К союзам первого слоя принадлежат, несомненно, *i*, *a*, *bo*; к союзам второго слоя *než*, *nebo*, *že*, *jak/ož*, *kak/c|ž*, *li*, *čili* и др.; к союзам третьего слоя *něbrž*, *budž*, *jestliže*, *kdyby*, *dokud* и др. Провести точную границу между ними нельзя. Кроме того, указанные слои — хронологически неоднородны, ввиду того что отдельные типы сложного предложения возникали в разное

время: одни в очень отдаленном прошлом, другие в довольно поздний исторический период (напр. чешск. градационное сложносочиненное предложение во второй половине XIV и в XV вв., ограничительно-исключительное сложноподчиненное предложение в конце XIV в.). Установить более точную хронологию возникновения отдельных союзов пока невозможно.

Тем не менее, мы можем попытаться разграничить союзы по их предположительной исходной функции в несколько групп, опираясь на реконструкцию первоначального свободного соединения предложений, которое легло в основу зародившихся типов сложного предложения. „Наблюдения показывают, что подчинение вычленяется из грамматической связи однородного следования путем парного объединения предложений, причем в функции придаточного обычно закрепляется предложение, имеющее косвенную модальность, т. е. выражающее вопрос, повеление или пожелание.“³⁶ Добавим, что в чешском языке большую роль сыграли также восклицательные предложения. „Сложносочиненные предложения оформлялись главным образом на базе грамматической связи однородного следования предложений повествовательного характера.“³⁷

(1) Небольшую, но очень важную группу образуют союзы и союзные слова, которые развились из вопросительных слов, вводивших первоначально самостоятельные вопросительные предложения (позже превратившиеся в придаточные предложения). Это прежде всего относительные местоимения и наречия *kto, čso, který, či, kde, kam, kudy, odkud, kolik/ol, kterak, kdy, dokud*, сменившие впоследствии древние относительные слова от основы на **jo-*. Последние два, *když* и *dokud* (|| *dokad...*, *pokud*) перешли в союзы и сменили союзы *jedyž, jedaž* и *doňudž (doňadž...)*. Из вопросительных частиц *li* и *za, zda (+ li)* возникли условные союзы; предложения с *za, zda + by* выражали также цель. К числу союзов вопросительного происхождения надо добавить разделительное *čili, či*. Сравнение с русским языком показывает, что в чешском языке роль этого рода союзов меньше — сохранился союз *jak/ol*, не развилась в такой мере, как в русском, союзная функция местоимения *co* (лишь в XVI в. оно проникает в функцию временного и сравнительного союза, но не получает более широкого распространения в литературном языке).³⁸

(2) Повелительные и пожелательные предложения превратились в изъяснительные придаточные предложения. Роль союза выполняет в них частица сослагательного наклонения *by* (или *aby*). Того же происхождения *by, aby* в предложениях цели. Развитие их значения нуждается в подробном исследовании. Союзной функции приблизилось *nechaj (nechat, necht)* — первоначально повелительная форма глагола *nehati*. Союз *at (|| at by)*, до известной степени равнозначный с *by, aby*, имеет также функцию частицы повелительного наклонения, но эта функция развилась вторично, и союзное употребление старше ее. — Из повелительной формы связи *býti* возник разделительный союз *buď (buďte, buďte)*. В общем можно сказать, что повелительные предложения сыграли в развитии чешского сложного предложения и союзов небольшую роль, и нельзя сказать, чтобы вообще какой-либо союз возник из частицы повелительного наклонения.

(3) Предложения восклицательные или, по крайней мере, с эмоциональной окраской, содержали частицы и наречия, которые могли

превратиться в союзы. Их трудно отграничить от союзов-частиц, присоединяющих или начинающих предложения в примитивном сочетании предложений.

В настоящую восклицательную частицу превратилось местоименное наречие *kak/ož/* (в риторических вопросах), и в дальнейшем развитии перешло в изъяснительный и уступительный союз. (В обеих функциях *kak/ož/* сменилось, наконец, союзом *jak/ož/*.) К восклицательной частице восходит, по всей вероятности, союз *ač* (<**a* + *če*); его объяснение из *a* + *či* (= вопросительная частица) не убедительно. Роль эмоциональной частицы выполняло еще в историческое время *však/o/*, медленно переходившее в противительный союз.

(4) Особую группу представляют союзы, которые объясняются как возникшие из частиц дейктического значения (первоначальных междометий). Это прежде всего *ano* и *nali/t/*, отчасти *že* (*ež, jež*), *jak/o/*, *až*; когда-то сюда относились, быть может, даже союзы *a*, *i*. (Междометное происхождение *však/o/* остается сомнительным.) Дейктические частицы указывали на содержание предложения, ставшего впоследствии придаточным (в значении „*вот*“ или тому подобном).

От дейктических слов следует отличать местоименные частицы или наречия препаративного или анафорического значения. Ср. разницу между следующими предложениями: *řekl to* (= *toto*, *вот это*): *někdo přichází* (он сказал *вот что*: кто-то приходит) × *řekl; to!* (= *hle!*, *вот!*), *někdo přichází*. Границу между указанными значениями трудно установить, но в общем можно предполагать, что междометная функция частиц развилась там, где можно было на что-то наглядно показать (напр. в изъяснительных предложениях после глаголов чувственного восприятия); в других случаях более понятной и вероятной кажется функция указательной (препаративной) частицы. Это касается союзов, образованных от относительно-местоименной основы **jo-* (*doňadž...*, *jelikož/ž/*, *ježto*, *jedyž*, *jedaž*; *jak/o/* в некоторых значениях).

(5) Небольшая группа союзов развилась из частиц или наречий ограничительного значения. Вполне отчетливо это видно у союзов *jen*, *jenom*, *jenže* (<*jedno*) и *sotva*, *jedva*, потому что их союзная функция возникает только в историческое время. То же самое значение имело *le*, представленное в древнечешском языке лишь единичными примерами и вошедшее в состав союзов *ale*, *leč* (<*le* + *če*, тождественное с *če* в *ač/e/*), *leda*.

Кроме названных случаев, наречия — за исключением местоименных — играли в образовании чешских союзов лишь малозначительную роль. В союз превратилось только *lib/o/* (<*ľubo*), к функции союза приблизились *pak* (ср. также союз *pakli*), *obák* || *obáč*, *jinak*, *sice*, *přese*. Другие наречия вошли в состав сложных и составных союзов, напр. *jakž brzo*, *jakž rychle*, *ihned jakž* (> *hned jak*), *dřeve než*, *prvé než*; *alebrž*, *abrž*, *něbrž*.

(6) Отрицательные частицы *ne* (*ně*, *nie*) и *ni* становились основой союзов *než*, *nebo*, *neda*, *něbrž* (этот союз возникает только в XV в.), *ani*, *aniž*, *ni*, (*niž*). У союзов с *ne* можно предполагать первоначальную предикативную функцию этой частицы: она представляла номинальное предложение.³⁹

(7) В союзы превратились предложения с формами глагола *byti*: условный *jestliže*, разделительный *bud'* (*bud'to*, *bud'že*) и уступительно-услов-

ный *buđsi*. Этот процесс совершился в историческое время, так что его можно изучать на материале древнечешских памятников.⁴⁰

(8) Специальную проблему представляет упомянутое развитие союзной функции составной части кондиционала *by* (*buch...*).

4. Следы первоначального значения относительно долгое время удерживаются иногда в союзах, как более или менее яркая окраска, сопутствующая их союзной функции или определяющая их применение. В общем можно сказать, что в предложениях с союзами и союзными словами вопросительного происхождения выступит сначала всегда условное отношение к главному предложению; союзы дейктического и указательного происхождения часто выражают содержание восприятия, мысли, речи и т. п., причину, следствие, образ действия (при помощи сравнения); союзы восклицательного происхождения выражают уступительное отношение, эмоционально окрашенную причину (= „ведь“), эмоционально окрашенное сообщение (в предложениях дополнительных), и т. п. На основе указанной разницы можно напр. с известной долей правдоподобности определить, в каких типах сложных предложений *když* сменялось *jedyž*, *jedaž* (указательного происхождения), а в каких типах развилось его союзное значение непосредственно — хотя архаическое *jedyž*, *jedaž* сохранилось в древнечешском языке в единичных примерах. (Ср. также § 16.) Подобных примеров мы могли бы привести больше. Они свидетельствуют о пользе более широкого подхода к изучению происхождения союзов, сжатый обзор которого мы здесь представили.

Не надо подчеркивать, что все обобщения должны опираться на тщательный филологическо-лингвистический анализ материала из отдельных языков. Таким образом можно будет избежать многих ошибок, вытекающих из априористического подхода.⁴¹ Цель такого исследования — сравнительное изложение происхождения и развития славянских союзных средств. Она, на наш взгляд, в будущем вполне достижима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. В. Havránek, *Metodická problematika historickosrovnávacího studia syntaxe slovanských jazyků*, K historickosrov. studiu slov. jazyků, Praha 1958, 77—78.

² Ср. Fr. Sławski, *Słownik etymologiczny języka polskiego I*, 1952—1956, 483; там ссылки на более древнюю литературу.

³ См. J. a M. Bauerovi, *Staroslověnské ašte*, Slavia 26, 1957, 168—169.

⁴ См. J. Holub — Fr. Kopečný, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1952, 205; V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha 1957, 266—267.

⁵ См. J. Bauer, *Slovanské spojky s -bo*, Studie ze slovanské jazykovědy, Praha 1958, 86—87.

⁶ См. там же, стр. 84—85, и M. Bauerová, *Stsl. spojky bo, *nebo, neboň a ibo*, в том же сборнике, стр. 95—98.

⁷ Таким образом я объяснил возникновение чешского союза *kdyby* в неопубликованной работе *Staročeské souvětí*, и это объяснение цитируется в этимологическом словаре В. Махна (стр. 197).

⁸ См. Fr. Trávníček, *Historická mluvnice česká III — Skladba*, Praha 1956, 76, 86—87, 105—108. Ср. также J. Bauer, *Vývoj českého souvětí*, § 182.

⁹ См. Т. П. Ломтёв, *Очерки по историческому синтаксису русского языка*, Москва 1956, 543.

¹⁰ Ср. J. Bauer, *Vliv řečtiny a latiny na vývoj syntaktické stavby slovanských jazyků*, Československé přednášky pro IV. mezinár. sjezd slavistů v Moskvě, Praha 1953, 73—95.

- ¹¹ Fr. Trávníček, *Mluvnice spisovné češtiny II^a*, Praha 1951, 672.
- ¹² См. J. Bauer, *Vývoj stupňovacího souvětí v češtině*, Sborník fil. fak. Brno, A 4, 1956, 30—31; *Vývoj čes. souvětí*, § 56.
- ¹³ Б. В. Лавров, *Условные и уступительные предложения в древнерусском языке*, Москва—Ленинград 1941, 52—64.
- ¹⁴ J. Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého IV*, Praha 1929, 207—208; ср. также Fr. Trávníček, *Neslovesné věty v češtině II*, Brno 1931, 57.
- ¹⁵ См. Fr. Trávníček, *Neslovesné věty II*, 59—60.
- ¹⁶ См. J. Bauer, *Vývoj čes. souvětí*, § 270.
- ¹⁷ Fr. Trávníček, *Histor. mluvnice česká III*, 96—98.
- ¹⁸ J. Bauer, *Vývoj čes. souvětí*, § 174—175.
- ¹⁹ Ср. Fr. Trávníček, *Histor. mluvnice česká III*, 40—44; J. Bauer, *Vývoj čes. souvětí*, § 77, 90, 169, 237, 257.
- ²⁰ См. Fr. Trávníček, *Histor. mluvnice česká III*, 57, 58.
- ²¹ Ср. Fr. Trávníček, *Neslovesné věty v češtině I*, Brno 1930, 196; J. Bauer, *Vývoj čes. souvětí*, § 102; V. Machek, *Etymolog. slovník* 591—592; B. Havránek, *Metod. problematika*, K hist.srovn. studiu slovan. jazyků 80.
- ²² См. Т. П. Ломтев, *Очерки по историческому синтаксису* 488—497; B. Havránek, *Metod. problematika*, в указ. сборнике, стр. 81—83.
- ²³ См. Fr. Trávníček, *Mluvnice spis. češtiny II*, 719—721; J. Bauer, *Vývoj čes. souvětí*, § 23b.
- ²⁴ Ср. J. Bauer, *Vývoj čes. souvětí*, § 36, 269; K. Hausenblas, *Věty se spojkami kdež to a zatímco v dnešní češtině*, Studie ze slovan. jazykovědy 133—140.
- ²⁵ См. B. Havránek, *Metod. problematika*, K hist.srovn. studiu slovan. jazyků 85—86; *Textová kritika a primitivní typy spojování vět v staré češtině*, Studie ze slovan. jazykovědy 53—60.
- ²⁶ J. Bauer, *Vývoj čes. souvětí*, § 97 сл.
- ²⁷ Там же, § 64.
- ²⁸ Там же, § 46—48.
- ²⁹ *Historická mluvnice česká III*, 99—115; ср. также J. Bauer, *Vývoj čes. souvětí*, § 140 сл., 160 сл., 179 сл.
- ³⁰ О проблеме заимствований см. в нашей статье, цит. в примечании 10. Ср. также H. Birnbaum, *Zur Aussonderung der syntaktischen Gräzismen im Altkirchen-slawischen*, Scando-Slavica 4, 1958, 239—257; R. Ruzicka, *Griechische Lehn-syntax im Altkirchen-slawischen*, Zeitschrift für Slawistik 3, 1958, 173—185.
- ³¹ См. Fr. Trávníček, *Histor. mluvnice česká III*, 5; B. Havránek, *Metod. problematika*, K hist.srovn. studiu slovan. jazyků 81.
- ³² Ср. J. Bauer, *Vývoj čes. souvětí*, § 176.
- ³³ Ср. V. Machek, *Etymolog. slovník*, 15.
- ³⁴ Ср. объяснения функций *a* в работе *Vývoj čes. souvětí*; там ссылки на литературу.
- ³⁵ *Histor. mluvnice česká III*, 55.
- ³⁶ Т. П. Ломтев, *Очерки по истор. синтаксису*, 488.
- ³⁷ Там же, стр. 494.
- ³⁸ О ситуации в диалектах ср. J. Chloupek, *Východomoravské věty se spojkovým so*, Slovo a slovesnost 20, 1959, 261n.
- ³⁹ См. Fr. Trávníček, *Neslovesné věty II*, 57.
- ⁴⁰ Ср. *Vývoj čes. souvětí*, § 69, 240, 252. Характер предложения имела по своему происхождению также частица *nech/a/j*, выступавшая в роли уступительно-условного союза.
- ⁴¹ Такой подход — вытекавший из узко ограниченного материала и из тогдашнего состояния науки — сильно уменьшает ценность пионерского труда Т. Маретича (T. Maretič, *Veznici u slovenskijem jezicima*, Rad Jugoslav. akademie znamenosti i umjetnosti 86, 89, 91, 93 (1887—1888).

KE VZNIKU SPOJEK

1. Bádání o vzniku spojek přineslo dosud poměrně málo pevných výsledků. To vyplývá jednak z objektivních potíží (vznik spojek nelze přímo sledovat na materiálu), jednak z metodologické a teoretické neujasněnosti v této oblasti bádání: a) Místo vysvětlení vzniku spojek se často podává jen etymologie jejich komponentů (a mnohá spojení nejsou správná). b) Původ jednotlivých

vých spojek se někdy vykládá izolovaně, bez zřetele k jejich místu v jazykovém systému a bez srovnání s jinými jazyky. c) Výklady ze neopírají vždy o dostatečně podrobnou analýzu materiálu ze starých památek. d) Přeceňuje se syntaktická analogie jako svědectví o vzniku spojek (zejména jde-li o analogii neplnou).

2. K dosažení spolehlivějších výsledků by pomohlo dodržování těchto zásad: (1) Vznik spojek je spjat se vznikem jednotlivých souvětých typů (u souřadných spojek též s vývojem několika-násobných členů věty); souvěté typy (souřadné i podřadné) se vyvinuly většinou z volného spojení vět. To je důležité pro vysvětlení podřadících spojek (nevznikly zpravidla ze skutečných spojek souřadících). (2) Výklad geneze spojek musí vycházet z podrobné analýzy jejich užití v nejstarších památkách; tak objevíme často i u starých, dávno hotových spojek stopy jejich původního významu, projevující se jistým zabarvením nebo omezením v užití. (3) Je nutno odlišit domácí vývoj od jevů zděděných nebo přejatých. K tomu je nezbytná srovnávací a filologická analýza. (4) Musíme se vyvarovat anachronického přístupu: ani nevňáset dnešní hlediska, ani nadměrně nearchaizovat starší stav jazyka. Někdy je nutno odlišit zjištění bezprostředního východiska pro vznik jisté spojkové funkce a vysvětlení původního významu jejich komponentů (to se týká často doby nepamětné starší). Je nutno též pamatovat, že totéž slovo mohlo vedle abstraktní spojkové funkce v jiných kontextech zachovat funkce mnohem primitivnější.

3. Spojky by bylo možno rozdělit do tří vrstev: 1° spojky vzniklé ze slov, která plnila v jisté míře spojovací úkon již při volnějším řazení vět vedle sebe; 2° spojky vzniklé při vzniku souvětých typů ze slov bez spojovací funkce; 3° spojky vzniklé později při dalším vývoji souvětých typů (v době historické). Velké chronologické rozdíly ve vzniku souvětých typů však zmenšují cenu takového rozdělení; účelnější je rozdělení jiné — podle toho, z jakého užití spojková funkce vznikla: (1) spojky vzniklé z tázačích zájmen, příslovcí a částic; (2) spojky vzniklé v rozkazovacích větách (v češtině mají skromné místo); (3) spojky z citových slov a částic (vzniklé ve větách původně zvolacích); (4) spojky z původních deiktických a odkazovacích slov (obě funkce je třeba odlišovat); (5) spojky z omezovacích a jiných adverbii; (6) z negace; (7) z určitých tvarů slovesa *býti* (tedy z celých vět); (8) spojkové užití kondicionálu.

4. Zjištění příslušnosti spojky k té nebo oné skupině pomůže někdy vysvětlit různá omezení v jejich užití a lépe pochopit jejich další významový vývoj, odlišit původní funkce spojek od přejatých po jiné (zaniklé) spojce apod. Cílem bádání — ještě dosti dalekým, ale dosažitelným — je osvětlení genezy a vývoje slovanských spojek.

ZUR ENTSTEHUNG DER KONJUNKTIONEN

1. Untersuchungen über die Entstehung der Konjunktionen haben bisher nur wenige feststehende Ergebnisse gebracht. Als Ursache dessen sind einerseits die objektiven Schwierigkeiten (die Entstehung der Konjunktionen kann nicht direkt auf dem Material selbst verfolgt werden), andererseits die methodologische und theoretische Ungeklärtheit anzusehen: a) statt der Erklärung der Entstehung der Bindewörter wird oft nur die Ethymologie ihrer Komponenten dargelegt (wobei zahlreiche Verbindungen überdies unrichtig sind); b) der Ursprung der einzelnen Konjunktionen wird manchmal isoliert erklärt, ohne Berücksichtigung ihrer Stelle in dem System der Sprache und ohne Vergleich mit anderen Sprachen; c) die Darlegungen stützen sich nicht immer auf genügend eingehende Analyse des Materials aus alten Denkmälern; d) man überschätzt die syntaktische Analogie als Aussage über die Entstehung der Konjunktionen (besonders wenn es sich um eine unvollkommene Analogie handelt).

2. Mehr verlässliche Ergebnisse könnten unter Beibehaltung folgender Prinzipien erreicht werden: (1) Die Entstehung der Konjunktionen ist mit der Entstehung von einzelnen Satzgruppentypen (im Falle der beordnenden Konjunktionen auch mit der Entwicklung von mehrfachen Satzgliedern) verknüpft; die Satzgruppentypen (beigeordnete wie auch untergeordnete) sind meistens aus freien Verbindungen von Sätzen entstanden. Dies ist wichtig für die Erklärung der unterordnenden Konjunktionen (sie sind in der Regel nicht aus tatsächlich beordnenden Konjunktionen entstanden). (2) Die Deutung der Genesis der Konjunktionen muss von einer eingehenden Analyse ihres Gebrauchs in den ältesten Denkmälern ausgehen; auf diese Weise entdecken wir oft selbst bei alten, bereits lange feststehenden Konjunktionen Spuren ihrer ursprünglichen Bedeutung, die sich in gewisser Färbung oder Einschränkung im Gebrauch kundgibt. (3) Man muss die einheimische Entwicklung von vererbten oder übernommenen Erscheinungen unterscheiden. Zu diesem Zwecke ist die vergleichende und philologische Analyse unumgänglich. (4) Man muss die Gefahr des anachronischen Zutritts meiden; man darf weder gegenwärtige Gesichtspunkte hineinbringen noch übermäßig den älteren Sprachstand archaisieren. Manchmal muss man die Feststellung des unmittelbaren Ausgangspunktes für die Entstehung

einer gewissen konjunkionalen Funktion und die Erklärung der ursprünglichen Bedeutung ihrer Komponenten voneinander scheiden (diese gilt oft für eine beträchtlich ältere Zeitspanne). Man darf auch nicht ausser acht lassen, dass dasselbe Wort ausser seiner abstrakten konjunkionalen Funktion in anderen Kontexten beträchtlich primitivere Funktionen hat behalten können.

3. Die Konjunktionen könnten in drei Schichten eingeteilt werden: 1° diejenigen die aus Wörtern entstanden sind, welche in gewissem Masse die verbindende Funktion bereits bei dem freieren Aneinanderreihen von Sätzen erfüllten; 2° diejenigen die während der Entstehung der Satzgruppentypen aus verschiedenen die verbindende Funktion entbehrenden Wörtern entstanden sind; 3° diejenigen die erst später während der weiteren Entwicklung der Satzgruppentypen in der historischen Zeit entstanden sind. Grosse chronologische Unterschiede in der Entstehung der Satzgruppentypen verringern jedoch den Wert einer solchen Einteilung; als zweckmässiger erscheint eine andere Einteilung — nämlich nach dem Gebrauch, aus dem die konjunktionale Funktion entstanden ist: (1) Konjunktionen, die aus Frageföhrwörtern, Frageumstandswörtern und Fragepartikeln entstanden sind; (2) die in Befehlssätzen entstandenen Konjunktionen (im Tschechischen nehmen sie einen bescheidenen Platz ein); (3) Konjunktionen aus emotionalen Wörtern und Partikeln (die in den ursprünglichen Ausrufesätzen entstanden sind); (4) Konjunktionen aus ursprünglichen deiktischen und hinweisenden Wörtern (diese beiden Funktionen müssen unterschieden werden); (5) Konjunktionen aus einschränkenden und anderen Adverbien; (6) aus der Negation; (7) aus den bestimmten Formen des Zeitwortes *býti* (also aus ganzen Sätzen); (8) konjunktonaler Gebrauch des Konditionals.

4. Die Feststellung der Zugehörigkeit der betreffenden Konjunktion zu dieser oder jener Gruppe hilft uns manchmal dazu, verschiedene Einschränkungen in dem Gebrauch der Konjunktionen zu erklären, ihre weitere semantische Entwicklung besser zu erfassen, die ursprüngliche Funktion von denjenigen Funktionen zu unterscheiden, die von einer anderen (verschwundenen) Konjunktion übernommen worden sind usw. Das Ziel der Forschung, das noch ziemlich entfernt, aber keinesfalls unerreichbar ist, stellt dann die Erklärung der Entstehungsgeschichte wie auch der Entwicklung der slawischen Konjunktionen.

Übersetzt von M. Beck